

M. Scharloo

**TEYLER'S MUSEUM: PAST AND FUTURE.
A SHORT HISTORY**

A B S T R A C T. Teyler's Museum in Haarlem, the Netherlands, opened its doors to the public in 1784. It was named after Pieter Teyler, a successful entrepreneur and banker, who lived in Haarlem between 1702 and 1778. His ancestors had fled from England for religious reasons in the early seventeenth century and the family had made its fortune in the silk production and trade. As a man of the world with a lot of international contacts, especially in Britain, he became very interested in the Enlightenment ideals. Teyler left his fortune to the Foundation which had to help the poor, study religion in a free society and encourage arts and sciences for the general benefit. The word 'museum' is not mentioned in the will, but it was clear to Teyler's friends that his ideals were directed towards the founding of a *mouseion*. Nowadays the term museum is associated with a certain archetype of a building, a more or less standardized layout of collections and information about objects. Teyler's does not fit in this archetypal picture. Are people visiting a history of science museum? An art museum? A Wunderkammer? Or a museum of the museums?

K E Y W O R D S: Teyler's Museum, Pieter Teyler, history of science museum, art museum, Wunderkammer, museum of the museums, Museum of Wonder

УДК 096.1(492)

DOI 10.31250/2618-8619-2020-4(10)-49-55

M A R J A N S C H A R L O O — Director of the Teylers Museum (Haarlem, the Netherlands)
E-mail: mscharloo@teylersmuseum.nl

Teyler's Museum in Haarlem, the Netherlands, opened its doors to the public in 1784. It was named after Pieter Teyler, a successful entrepreneur and banker, who lived in Haarlem between 1702 and 1778. His ancestors had fled from England for religious reasons in the early seventeenth century and the family had made its fortune in the silk production and trade. Pieter Teyler was a Mennonite and, like most of his fellow believers, he wished to contribute to a better society for everybody. In the eighteenth century, Dutch Republic Mennonites were associated with progress and many of them were involved with the Patriot movement, which was opposed to the old-fashioned rule of the stadholders of the House of Orange. As a man of the world with a lot of international contacts, especially in Britain, Teyler became very interested in the Enlightenment ideals.

After his death his will was executed by five friends, and today their successors are still active. Teyler left his fortune to the Foundation which had to help the poor, study religion in a free society and encourage arts and sciences for the general benefit. The capital of the foundation would be the equivalent of around 80 million euro today. Two learned societies were to be founded: the First Society had to study theological matters and the Second Society arts and sciences.

The word 'museum' is not mentioned in the will, but it was clear to Teyler's friends that his ideals were directed towards the founding of a *mouseion*. The two learned societies needed to come together to make discoveries and inventions and to share them with the general public. To facilitate meetings and discoveries, more room was necessary than Teyler's private home could provide, and therefore it was decided to build the Oval Room (Fig. 1) behind his house. This magnificent room in the latest architectural style was finished in 1784. The choice for neoclassicism was not only an aesthetic one. It also indicated the wish to be resolutely modern and in opposition to old-fashioned politics. The oval form of the room referred to the infinity of God's creation and its content was aimed to be a microcosm of the world.

During the next 150 years the institution thrived. Laboratories for scientists and workshops for artists were built and many important new developments in the Netherlands started from here. The First Paintings Gallery opened in 1839 and it was the first permanent contemporary art gallery of Dutch artists

Fig. 1. Oval Room and Library

in the country. The first Dutch edition of Darwin's *Origin of Species* was translated by the curator of paleontology in the winter of 1859, immediately after its publication in Britain. Hendrik Lorentz did experiments in his own laboratory and received here his fellow Nobel Prize winners, among them Marie Curie and Albert Einstein.

The collections of scientific instruments, fossils and minerals, paintings, drawings and prints, and the library expanded considerably in the course of time (Figs. 2-3). Besides this growth of the collection, laboratories grew in size, new public reading rooms were added to the library and so was a grand lecture hall. The extension of the building grew in a very organic way and, once installed, the rooms were never changed. Today visitors can walk through three centuries of completely authentic museum architecture.

It is important to note that the objects which we see in the museum today were first and foremost acquired as tools for research in natural history and science, or to improve the artistic climate. Because the museum belonged to a private institution, the collections were never rearranged with other public collections: they were preserved in the surroundings for which they were ordered and used, together with archival information, such as correspondence and invoices. In this way the museum became a time capsule.

After the 1920s there was a serious decline due to the Foundation's lack of money. Forty years later the buildings had deteriorated so much that the roofs leaked and buckets had to be placed in the public rooms. There were only six members of staff left plus a few honorary curators who came in on Saturdays. The museum was closed for three Sundays every month and visitors had to ring the bell and talk their way in.

This all changed in the early 1980s when the national government provided structural subsidies to restore the building and to take care of the collections in a professional way. The beautiful architecture of the museum rooms was restored, but there was not enough interest to restore the functional areas like the laboratories, the journal administrator's room or the house of Pieter Teyler. All attention was focused on the typical museum rooms. The new professionals studied the objects in the context of similar objects

Fig. 2. Hall of Paleontology and Mineralogy

Fig. 3. Art Hall

within Teyler's Museum or in other collections, and sometimes the importance of the authentic coherence was not recognized in time. An example is the removal of the original labels of the minerals with important historical information, the labels having been removed when the minerals were described on new labels according to the latest nomenclature. We were happy to find the original labels back in the archives some years ago. Then we were able to reestablish the original connection between the minerals and their authentic labels digitally. Another example is a model of the machinery used to transport the Thunder Stone of the statue of Peter the Great. This was broken up: the model of the stone went to the collection of minerals and the model of the machine remained within the collection of scientific instruments.

The visitors' number has grown from a mere 30.000 to around 130.000 per year. Nowadays most new visitors love the historical atmosphere, but the majority is rather confused when walking around. Today the term museum is associated with a certain archetype of a building and a more or less standardized layout of collections and information about objects. Teyler's does not fit in this archetypal picture. Are they visiting a history of science museum? An art museum? A Wunderkammer? Or a museum of the museums? There is almost no signage, there are no introductions to the rooms, the light is mainly daylight and the labels with the objects contain only factual information. An extensive audio guide in several languages and a free visitor's guide are available but contain mainly information about the objects and architectural highlights.

A clarification of the identity of the museum was therefore absolutely necessary, and after a long period of research it was clear that we had to zoom out. It was concluded that the museum is not primarily about objects of the arts and sciences. There was an overarching idea behind their acquisition, which was lost in the course of time. The new concept goes back to the roots of the museum: a laboratory for contemporary art and science, an urge to know, to explore the world and to contribute to better art. The focus is on the people who were active in the museum: the scientists and artists who wanted to solve

Fig. 4. Classes in the Lorentz Laboratory

problems with the objects, which are now silent witnesses of their work. In the communication and marketing activities the museum is now labeled as Museum of Wonder. Research and exploration start with wondering about the present state of things. Wondering starts with a very important word: why? Teyler's Museum wishes to encourage all its visitors to pose that question too.

Correct factual information about objects will be still important, of course, but secondary to the story of their function. If a visitor wants the latest scientific information about the fossil of the Mosasaur (a giant lizard), he or she has to go to the Natural History Museum. In Teyler's Museum the first information is about the sensation this fossil caused in Europe when it was found in the second half of the eighteenth century, and about the debate it ignited about the possibility that the species had become extinct. We think it is very important to tell visitors about the course of the triumphs and failures in research and artistic taste. We want to show that sound knowledge is based on transparent research instead of the acceptance of hearsay. The Enlightenment idea to use one's own reason is more relevant than ever.

The scientists, artists, members of the boards, technical assistants, servants, visitors, correspondents, dealers, etc., made the museum what it is today. Their decisions directed the course of action and the choice of objects, which were acquired and studied in the museum and never left the building. Visitors like Alexander von Humboldt, Napoleon, Tsar Alexander, Van Gogh or Einstein, to name just a few, were coming along for very different reasons, which are interesting to explore for the visitors of today and tomorrow. The direction for the museum's activities is now to show the working institute that it once was.

Visitors are encouraged to participate in various special activities, apart from the traditional tours or workshops for all ages. There are boxes with hundreds of facsimile drawings in the First Paintings Gallery, which can be consulted just like 150 years ago. Or visitors can book a very popular theatrical tour through the Lorentz Laboratory by professional actors. School children can experiment with meticulously copied scientific instruments from the collection (Fig. 4). In the future there will be more options available, which ideally will take traditional ways of knowledge transfer as a starting point.

Working with your own hands with real materials is preferred over digital images, which can be observed in a more passive way.

An essential part of understanding the nature of Teyler's Museum is, we believe, the opening up of the 'hidden' parts of the building to make the full story not only clear in words, but also through visiting the actual rooms where new art was created and research took place. In the future, Teyler's will be much more than a regular museum for visitors. From 2022, visitors will be able to see four different parts of the building complex. There are the classic museum rooms, built between 1784 and 1893, with fossils, scientific instruments, paintings, drawings, books and numismatics. Two state of the art modern exhibition areas have been hosting temporary exhibitions since 1996. The restored Laboratory of Nobel Prize winner Lorenz was opened in 2017 by his Majesty King Willem Alexander. And last, but certainly not the least, Pieter Teyler's House, the headquarter of the Teyler's Foundation, will open to the public in 2021. Together, the four different sections will tell the extraordinary story of this very important monument of the Dutch Enlightenment.

The opening of Pieter Teyler's House is the last section of an extensive restoration project, which started in 2013. The Oval Room, the heart of the museum, was built at the rear of his house, and during the first 100 years of its existence the museum entrance was through its front door. As the headquarter of Teyler's Foundation, with 32 small rooms, it had many functions. Some rooms have retained their original decoration, but most faced the destiny of any institutional building: in the course of time they were adjusted to new needs when very little money was around.

Teyler's House and the ideas which were generated there, both by Pieter Teyler and later by the executors of his will, are the 'missing link' to the museum's history. Visitors will be able to get to know Teyler's Enlightenment ideals and their continuity through the work of the successive boards of the Foundation. The purpose of the visitor's trail is not only to look back in the past, but also to look forward. Our society is founded on the ideals of the Enlightenment and it is important to invite everybody to think about the relevance of equality, democracy and the present system for pursuing knowledge for the common good. An artist or scholar in residence will contribute with present day's views on the collections and ideas encapsulated in the museum.

For the most important challenge is to remain relevant in an ever-changing society. How can we link the questions and problems of today's society to the museum's stories from the past? The Alliance of Early Universal Museums may be able to assist by sharing the best practices and by initiating interesting projects of collaboration to make our unique heritage more accessible to everyone.

МУЗЕЙ ТЕЙЛЕРА: ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ

АННОТАЦИЯ. Музей Тейлера в Харлеме, Нидерланды, открыл свои двери для публики в 1784 г. Он был назван в честь Питера Тейлера, успешного предпринимателя и банкира, который жил в Харлеме между 1702 и 1778 гг. Питер Тейлер был меннонитом и, как большинство его единоверцев, хотел внести свой вклад в улучшение общества. Как светский человек с множеством международных контактов, особенно в Великобритании, он интересовался идеалами Просвещения. Тейлер оставил свое состояние фонду, который должен был помогать бедным, изучать религию в свободном обществе и поощрять искусство и науки для общего блага. Слово «музей» не упоминается в завещании, но друзьям Тейлера было ясно, что его помыслы были направлены на создание *музейона*. Для встреч членов созданных обществ за частным домом Тейлера было решено построить Овальный зал (1784). Овальная форма зала отсылала к бесконечности творения Бога, а его наполнение было задумано как микрокосм мира. В течение следующих 150 лет учреждение процветало. Здесь были построены лаборатории для ученых, мастерские для художников и положено начало многим научным разработкам в Нидерландах. Сегодня большинству новых посетителей нравится историческая атмосфера музея, но многие испытывают замешательство при осмотре. В настоящее время термин «музей» ассоциируется с определенным архетипом здания, более или менее стандартизованным расположением коллекций и информации об объектах. Музей Тейлера не вписывается в эту архетипическую картину. Что это — музей истории науки? Художественный музей? Кунсткамера? Или это музей музеев? Таким образом, выяснение идентичности музея было абсолютно необходимо, и после длительного периода исследований стало ясно, что нам нужно взглянуть на вопрос шире. Музей — это не просто предметы искусства и науки. За их приобретением когда-то стояла общая идея, которая со временем была утрачена. Новая концепция восходит к истокам музея как лаборатории современного искусства и науки, стремлению познать, исследовать мир. В коммуникационной и маркетинговой деятельности музей теперь получил название «музей чудес». Существенной частью понимания природы музея Тейлера, как мы полагаем, является открытие «скрытых» частей здания. Так, дом Питера Тейлера, штаб-квартира Фонда Тейлера, откроется для публики в 2021 г. Открытие дома Питера Тейлера — это последний этап масштабного реставрационного проекта, который начался в 2013 г. Самая важная задача, которую решает Музей Тейлера, — оставаться актуальным в постоянно меняющемся обществе. Как мы можем связать вопросы и проблемы сегодняшнего общества с историей музеев? Возможно, Альянс ранних универсальных музеев сможет помочь в этом путем обмена успешным опытом и запуска интересных проектов сотрудничества, что позволит нам сделать наше уникальное наследие более доступным для каждого.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Музей Тейлера, Питер Тейлер, музей истории науки, художественный музей, «музей чудес», музей музеев

СХАРЛОО МАРЬЯН — директор Музея Тейлера (Нидерланды, Харлем)
E-mail: mscharloo@teylersmuseum.nl

Н. П. Копанева

**О СОБРАНИИ Я. В. БРЮСА,
НАСЛЕДНИКАХ И КАБИНЕТЕ УЧЕНОГО***

АННОТАЦИЯ. После смерти в 1735 г. Я. В. Брюса, сподвижника Петра Великого, российского государственного деятеля, ученого, переводчика, его библиотеку и собрание «редкостей», как известно, перевезли из его подмосковного имения Глинки в Петербургскую академию наук, где они были включены в состав академических библиотеки и музея. После вывоза из Москвы «Брюсовых пожитков» к императрице с челобитной обратился наследник Брюса, его племянник, сын старшего брата Якова Вилимовича Александр Романович Брюс. Наследник просил вернуть забранное, поскольку все собрание составляло «знатную часть имения», но получил ответ, что за книги и вещи, забранные в Академию наук, ему выплатят сумму, которая будет определена при оценке собрания. Дело о возмещении наследникам суммы затянулось: А. Р. Брюс денег не получил, и вопросом наследства пришлось заниматься его сыну Я. А. Брюсу. Обращения наследников к императорскому двору сначала Елизаветы Петровны, а потом Екатерины II требовали от Академической канцелярии возвращения к составлению списков собрания, денежной оценки отдельных коллекций Якова Брюса, отчета о том, что сохранилось от них в библиотеке и музее. Эти документы в настоящее время составляют дополнительные источники изучения истории собрания Я. Брюса в составе музейного фонда Кунсткамеры первой половины XVIII в. Анализ описаний собрания Брюса приводит к выводу, что это было собрание не столько коллекционера, сколько ученого-экспериментатора. И библиотека, и коллекции Брюса — это прежде всего его рабочий кабинет. Именно поэтому они оказались так востребованы в Академии наук.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Яков Брюс, А. Р. Брюс, И. Тауберт, Петербургская академия наук, Кунсткамера, музейное собрание Брюса

УДК 930.1:069.51

DOI 10.31250/2618-8619-2020-4(10)-56-64

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА КОПАНЕВА — к.филол.н., главный хранитель фондов, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: kopaneva@kunstkamera.ru

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 19-18-00116 «Визуализация этничности: российские проекции науки, музея, кино» (рук. А. В. Головнёв).

При изучении истории Библиотеки и Кунсткамеры Академии наук первой половины XVIII в. исследователями неоднократно подчеркивалось то значение, которое имело для формирования их фондов собрание Якова Вилимовича Брюса (1669–1735).

Библиотеке Брюса, источникам ее изучения, составу посвящены фундаментальные работы С. П. Луппова (Луппов 1973а; 1973б). В 1989 г. Е. А. Савельевой был издан каталог «Библиотека Я. В. Брюса», в который вошли книги этого сподвижника Петра I, сохранившиеся в Библиотеке Академии наук. При этом составитель подчеркнула: «В настоящем каталоге не ставится задача реконструкции библиотеки Я. В. Брюса, хотя для подобной работы имеются солидные материалы» (Савельева 1989: 5). О другой части собрания Я. В. Брюса: коллекции инструментов, картин, минералов, нумизматическом кабинете — монографического исследования нет.

Обращение к «предметной» части собрания Я. В. Брюса связано прежде всего с работами О. Я. Неверова (Неверов 1977; 1997; 2000), Ю. О. Каган (Каган 2000), М. Л. Меньшиковой (Меньшикова 2000). Исследователи не ставили перед собой задачу выявить все документы, дающие представление о том, что собой представляла коллекция Я. В. Брюса как единое целое. Источниками для изучения отдельных частей собрания являлись прежде всего документы, опубликованные М. И. Сухомлиновым в «Материалах для истории Императорской академии наук»: это описи собрания Брюса 1742 г. (Материалы 1889: 152–245) и 1745 г. (Материалы 1895: 406–408), а также «Роспись золотым и серебряным вещам и дорогим камням, которые хранятся при императорской кунст-камере в полате ГТ», составленная И. Таубертом по требованию Кабинета императорского двора в 1745 г. В ней указан источник поступления в Кунсткамеру предметов, в том числе из «Брюсовых пожитков» (Материалы 1895: 299–322). «Роспись» И. Тауберта составлена с указанием номеров шкафов и номеров хранящихся в них предметов. Известно, что в 1730–1750-е годы музейные коллекции Кунсткамеры («Нарисованный музей» 2003; 2004) зарисовывались, и на листах с изображениями по большей части также указывались номера шкафов и предметов. Поэтому мы имеем возможность увидеть на рисунках ряд вещей из коллекции Я. В. Брюса и, более того, попытаться их найти в музейных фондах Государственного Эрмитажа и МАЭ РАН, что и было успешно начато, но не завершено О. Я. Неверовым, Ю. О. Каган и М. Л. Меньшиковой.

Известно, что Яков Вилимович Брюс (рис. 1), сподвижник Петра Великого, известный российский государственный деятель, ученый, переводчик, скончался 19 (30) апреля 1735 г. в своей подмосковной усадьбе Глинки. После получения известия о смерти Брюса 30 мая того же года главный командир Академии наук И. А. Корф направил в Кабинет императрицы Анны Иоанновны доношение, в котором просил передать в Академию наук «многие куриозные вещи, яко книги, инструменты, до древности принадлежащие вещи, редкие монеты и камни, которые он от части на пути с Его Императорским Величеством блаженныя и вечнодостойныя памяти Петром Первым в Германии восприял, а отчасти здесь великим трудом и иждивением собрал» (Материалы 1886а: 728). Корф, сам обладатель богатейшей библиотеки, писал императрице, насколько важно, чтобы собрание покойного Брюса оказалось в Академии наук и было употреблено на общую пользу: «Рачителем наук и знаний в пользу и увеселение служило, и притом может быть, чтоб и другим великим знатным людям для получения своему имени такими учреждениями бессмертныя славы поощрение придало» (Материалы 1886а: 728).

Указ за подписью кабинет-министров графа А. И. Остермана, князя П. И. Ягужинского и графа А. М. Черкасского, в котором предписывалось собрание Брюса отправить в Санкт-Петербург в Академию наук, был послан в Москву сенатору, московскому главнокомандующему графу Семену Андреевичу Салтыкову 16 июня. По указу С. А. Салтыков, Б. В. Аладьин и Г. Л. Гурьев составили опись книг и вещей, а 21 июля И. А. Корф сообщил С. А. Салтыкову о том, что в Москву для разбора и описания коллекций генерал-фельдмаршала Я. В. Брюса и последующей передачи в Кунсткамеру отправлены нотариус Х. Тидеман и копиист И. Пухарт. Им было предписано все книги и вещи описать, причем не только в Глинках, но и в других домах Брюса. В сентябре Тидеман и Пухарт из-за непогоды не смогли вывезти подводы с упакованными ящиками в Петербург. Только

Рис. 1. Портрет Я. В. Брюса. По литографии Ф. Мейера. XIX в.
Из книги: Первобытный Брюсов календарь с начала первого его выхода при жизни Брюса,
с портретом и биографиею графа Брюса. Харьков, 1875. Л. 2. МАЭ РАН

в декабре «Брюсовы пожитки» оказались в Академии наук вместе с теми описями, которые были составлены Тидеманом и Пухартом с использованием списков Аладьина и Гурьева: «Ведомость что по описи явилось в доме покойного господина генерала фельтмаршала и кавалера Якова Виллемовича Брюса в Библиотеке инструментов разных и прочих вещей» (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 16). 22 января 1736 г. по распоряжению И. А. Корфа привезенные из Москвы вещи и книги начали разбирать, описывать и передавать в Библиотеку и Кунсткамеру.

Однако, как свидетельствуют архивные документы, хранящиеся в РГАДА, на этом история передачи «Брюсовых пожитков» в Академию наук не закончилась. У Я. В. Брюса, не имевшего своих детей, был наследник — сын его брата Александр Романович Брюс (1704–1760), которому отошло не только имение Глинки, но и графский титул дяди. Несомненно, И. А. Корф, прилагая усилия к скорейшему вывозу собрания Я. В. Брюса в Петербург, знал о наследнике и, возможно, его имел в виду, когда писал императрице Анне Иоанновне, что «весьма сожалеть надлежит, ежели такое презрядное собрание расточено будет, или таким людям в руки достанется, которые ни в свою, ни в общую пользу оных употребить не могут» (Материалы 1886а: 728). Во всяком случае, потомком, которому, по словам Корфа, помещение собрания Я. В. Брюса в Академию наук послужило бы «в честь и славу», был тогда только А. Р. Брюс.

В год смерти Я. В. Брюса и в период с 1736 по 1739 г. А. Р. Брюс принимал участие в военных действиях сначала за польское наследство, а затем в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. В 1740 г. он вернулся в Москву и обратился к императрице с челобитной, прося вернуть отпавшие в Академию наук библиотеку и коллекции, поскольку все собрание составляло «знатную часть имения». Было решено компенсировать убыток, понесенный наследником Я. В. Брюса, деньгами, для чего необходимо было произвести оценку вывезенного собрания (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 10. Л. 30 об.). Дело затянулось, и в 1742 г. А. Р. Брюс вновь обратился в императорский Кабинет, уже к императрице Елизавете Петровне. В Академию наук последовал указ о проведении оценки собрания Брюса, что и было сделано, о чем советник академической Канцелярии И. Д. Шумахер 31 мая 1742 г. сообщал: «Прошедшего марта 1742 году по присланному из кабинета Ея Императорского Величества указу, которым предписано покойного генерала фельдмаршала графа Брюса куриозные вещи, а именно золотые и серебряные медали, також инструменты, картины и книги в Академию наук в котором году и по какому указу взяты и сколько и какими именно имеются тем всем вещам и насколько будет подробная оценка, а по справке в Академии наук оные вещи в Академию наук отданы в 1735 году по докладу Академии наук и по резолюции пребывавшего кабинета, а каких сколько порознь тех вещей золотых, серебряных медалей, також инструментов картин и книг, оным при сем доношении с оценкою прилагается реестр. А все оные вещи оценены знающими людьми, которые смотрели на внутреннюю их доброты, однакож ежели рассуждать курьезность и охотников до таких вещей, то оные сверх положенной по оценке суммы <...> еще несколько тысяч рублей более стоят». К доношению приложена «Роспись книг и прочим вещам, отданным в Академию наук из пожитков графа Брюса» (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3. Ч. 1. Л. 119–214; СПбФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 138. Л. 208–265 об.).

Все собрание было оценено «знающими людьми» в 4568 руб.:

«Медали и монеты золотые и серебряные и прочие тогдашним унтер библиотекарем, что ныне ея императорского величества библиотекарь и статской советник, Таубертом в 1982 руб. 58 копеек.

Азиатские и другие куриозные натуральные вещи разными академиками 274 руб.

Книги адъюнктами академическими Бремом и Крузиусом в 975 руб. 82 коп.

Картины и ландкарты живописным мастером Гриммелем и гридоровальщиком Штенглиным в 609 руб. 10 коп.

Математические и физические инструменты профессором физики Крафтом в 726.50.

Итого в 4568 руб.» (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 10. Л. 32–32 об.).

Однако в 1742 г. наследник не получил обещанной суммы. 20 апреля 1765 г. уже сын А. Р. Брюса, Яков Александрович, обратился к императрице Екатерине II с просьбой заплатить за вывезенные из имения Глинки книги и вещи. Это доношение включает в себя «Роспись, или Обстоятельные ведомости книгам разных званий и инструментов, зрительным трубам и прочим куриозным вещам, которые в нынешнем 1735 году сентября 5 числа описаны и из дому покойного генерала фельдмаршала и кавалера графа Якова Вилимовича Брюса присланными из Санкт-Петербурга в Академию наук по инструкции взяты нотариусом Тидеманом да копиистом Пухортом» (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 10). И опять последовал запрос в Академию наук, которая в лице И. Тауберта отвечала, что в 1742 г. все описи с оценкой были отправлены в Кабинет, «но какая по тому доношению в Кабинете резолюция последовала и была ль откуда за оныя вещи упомянутого графа Брюса наследникам заплата или какой зачет, о том Академии неизвестно» (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 33). Называя сумму оценки в 4568 рублей, И. Тауберт замечал, что «за редкость и курьезность всей коллекции вообще можно прибавить к предписанной сумме еще несколько тысяч рублей» (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 33).

На вопрос же о том, нельзя ли составить новую опись, Тауберт писал, что произвести еще раз оценку всех книг и вещей не представляется возможным, поскольку «выбирание из тех массов

библиотеки, кунсткамеры географического департамента и архивы ученых дел, по которым она расположена, востребует немало труда и времени» (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 33. Л. 31–31 об.). Отметим, что первоначально И. А. Корф предполагал сохранить собрание Я. В. Брюса как единое целое, но с поступлением его в Академию наук были разделены и книги в библиотеке, и коллекции по разным кабинетам Кунсткамеры. В 1745 г. И. Тауберт на запрос Канцелярии Академии наук о «куриозных вещах» из собрания покойного генерал-фельдмаршала Я. В. Брюса доложил только о части китайской коллекции, размещенной на галерее здания (Материалы 1895: 406–408). Все собрание минералов в Кунсткамере было систематизировано еще в 1731 г. И. Г. Гмелиным, который слил воедино коллекции, хранящиеся до этого по собирателям и бывшим владельцам, и разместил их по им самим разработанному порядку, которому следовали и в дальнейшем. Нумизматическая коллекция поступила в Минц-кабинет, в котором источник поступления монет и медалей не фиксировался. Лишь при хранении вещей из золота и серебра бывшие владельцы предметов не были забыты (Материалы 1895: 299–322). К тому же специфика коллекций Брюса, поступивших в Кунсткамеру, была такова, что они использовались при проведении исследований. Уже в 1736 г. часть инструментов и приборов из собрания Брюса была передана Ж.-Н. Делилю для Обсерватории и Географического департамента, а также Г. В. Крафту для Физического кабинета (Материалы 1886б: 103). Через десять лет, в 1746 г., Делиль получил из «Брюсовых пожитков» еще целый ряд астрономических инструментов.

Не лучше было положение и с библиотекой Брюса: «Принятое решение сохранить книги Я. В. Брюса как единую коллекцию выполнено не было. По существующей в Библиотеке Академии наук традиции, вновь прибывшие книги разделили по отраслям знания и по форматам, а обнаруженные дублиеты передали в Академическую книжную лавку для продажи» (Савельева 1989: 4). В 1812 г. после пожара Москвы часть дублетного фонда БАН была передана в Московский университет, а в 1827 г. после пожара в университете в Або и по случаю открытия нового университета книги из разделов «Теология» и «Юриспруденция» были подарены в Хельсинки. Среди этих книг были и экземпляры из библиотеки Я. В. Брюса. Но все-таки большую часть библиотеки сподвижника Петра I Е. А. Савельевой удалось восстановить по имеющемуся на книгах экслибрису и читательским пометам. При документальной реконструкции коллекции Я. В. Брюса таких владельческих знаков, конечно, нет, и основными источниками для нас являются «рописи», «ведомости», «описи». Но, как видно из изложенной нами истории поступления собрания Брюса в Академию наук, описания его коллекций составлялись разными людьми, с разными целями и в разное время. Поэтому детальная реконструкция списка предметов, поступивших после смерти Брюса в Кунсткамеру, требует тщательного сопоставления всех сохранившихся описей. Сегодня мы можем дать общую характеристику поступивших в Кунсткамеру коллекций Брюса и попытаться понять, что они собой представляли и с какими целями формировались их владельцем.

При сопоставлении состава библиотеки Я. В. Брюса и коллекций предметов, им собранных, первое, что необходимо отметить, — это их несомненное единство. И библиотека, и коллекции были универсальными по своему характеру. Это отвечало универсализму знания первой четверти XVIII в. Но у Брюса были и свои предпочтения. По подсчетам С. П. Луппова, больше всего книг в библиотеке Брюса было по математике, астрономии, физике, механике и оптике, минералогии, а из гуманитарных наук — по истории, нумизматике, политике (Луппов 1973а: 261–262). Анализ описаний коллекций Брюса показывает, что наиболее значительными были собрания инструментов, минералов, а также монет и медалей. При формировании своего собрания Брюс отдал дань и увлечению искусством (у него была коллекция живописи), а также коллекционированию точных предметов, прежде всего китайских, что, возможно, связано с интересом к описанию разных стран, народов и их верований. И в составе его библиотеки немалое число книг о путешествиях, есть литература о религиях и по искусству. Таким образом, собрание Брюса, состоящее из библиотеки и коллекций перечисленных групп предметов, необходимо рассматривать как единое целое.

Если это собрание сопоставить с вехами биографии Брюса и его научными интересами, то становится очевидным, что библиотека и коллекции имели для их владельца прежде всего практическое значение как своеобразный научный кабинет. Такой вывод С. П. Луппов сделал о библиотеке: «Библиотека Брюса <...> рабочее собрание книг, необходимых его владельцу, полностью отражающее его научные интересы» (Луппов 1973а: 272). То же самое мы можем сказать и о коллекциях Брюса. Основанием для такого заключения является не только состав коллекций, но и пути их формирования.

Особый интерес представляет собрание научных инструментов и приборов, прежде всего оптических. Интерес Брюса к астрономии привел к тому, что он приобрел репутацию «черно-книжника» и астролога. Однако известно, что астрономия и практическая оптика были одними из важнейших занятий Я. В. Брюса. В 1717 г. в переводе Брюса была издана книга голландца Хр. Гюйгенса «Космотеорос», в которой излагалось гелиоцентрическое учение Коперника. Для проведения астрономических наблюдений Брюс сам изготавливал линзы, зрительные трубы и зажигательные стекла разных размеров. Так, при описании зажигательных стекол, сданных в обсерваторию Делилю, перечислены 147 стекол с разным диаметром в точке зажигания (СПбФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 138. Л. 118 об.). О том, как Брюс работал над изготовлением оптических инструментов и какие проблемы при этом решал, дают представление его переписка с механиком Академии наук И. Лейтманом (Ченакал 1951), которая началась в 1726 г., когда Лейтман еще не был приглашен в Петербург, а также письмо неизвестному лицу, в котором упоминается имя Лейтмана. Вот лишь небольшой отрывок из одного из писем: «Оба зеркала, изготовленные мною к этой трубе в моем доме, различные. Одно из металла с мышьяком, второе — из стекла. Стекло лучше, так как полировка металла нам удастся меньше, нежели полировка стекла. Малое зеркало я употреблял также металлическое и нашел его лучше стеклянного, однако не столь хорошим, как призмы из горного хрусталя. Эту трубу, с окуляром в 2 8/10 дюйма, я неоднократно употреблял для рассматривания предметов на горизонте, а также для наблюдения Луны. Луна выглядела в ней отчетливо и ясно, и был виден весь ее диаметр. Но я не мог провести наблюдения из-за моего нездоровья, которое в темные осенние ночи увеличивается» (Ченакал 1951). Таким образом, коллекция оптики составлялась Брюсом из им же самим изготавливаемых инструментов и приборов. Сохранилось изготовленное им в 1733 г. вогнутое металлическое зеркало для отражательного телескопа, ныне хранящееся в Государственном Эрмитаже (рис. 2, 3). Оно было в Кунсткамере и описано в изданном в 1742 г. каталоге музея: «Зеркало зажигательное, большое металлическое, вращающееся на оси, величиною в 2 фута 3 дюйма с надписью по-русски, означающей: Factum propria cura Comitum Iacobi Vilimovitz de Brūce, 1733, m<ense> Augusto. («Делано собственным рачением графа Якова Вилимовича Брюса, в месяце августе 1733 года») (Musei Imperialis Petropolitani... 1741: 7).

Минералогическая коллекция также отражает как научный, так и профессиональный интерес Я. В. Брюса. В 1719 г. он стал президентом учрежденной Берг-коллегии, в ведение которой входили организация работы и управление горнорудными заводами, добыча и переработка полезных ископаемых. Брюса интересовали проблемы исследования руд и минералов, а также вопросы пробирного анализа, для чего при Берг-коллегии была создана специальная лаборатория. В собрании Брюса были руды из Петербургской губернии, из Сибири, причем в списке руд и минералов указано, откуда происходят образцы, а также их состав в весовом соотношении частей. Показательно одно из писем Брюса Лейтману: «Прекрасный эксперимент, который Ваше высокоблагородие проделали с превосходными недавно изобретенными весами, ценен для меня тем более, что мне еще не посчастливилось проделать то же самое на таких же весах, которые Вам угодно было сделать для меня в Петербурге. Трение препятствует тому, что эти весы нечувствительны к очень малым тяжестям. В своем “Theatrum machinarum” Лейпольд (книга была в библиотеке Брюса. — Н. К.) сделал сообщение об английских весах без стрелки. Я имею такие же нового, предложенного Гексби устройства. Однако никому не удавалось достичь того, что

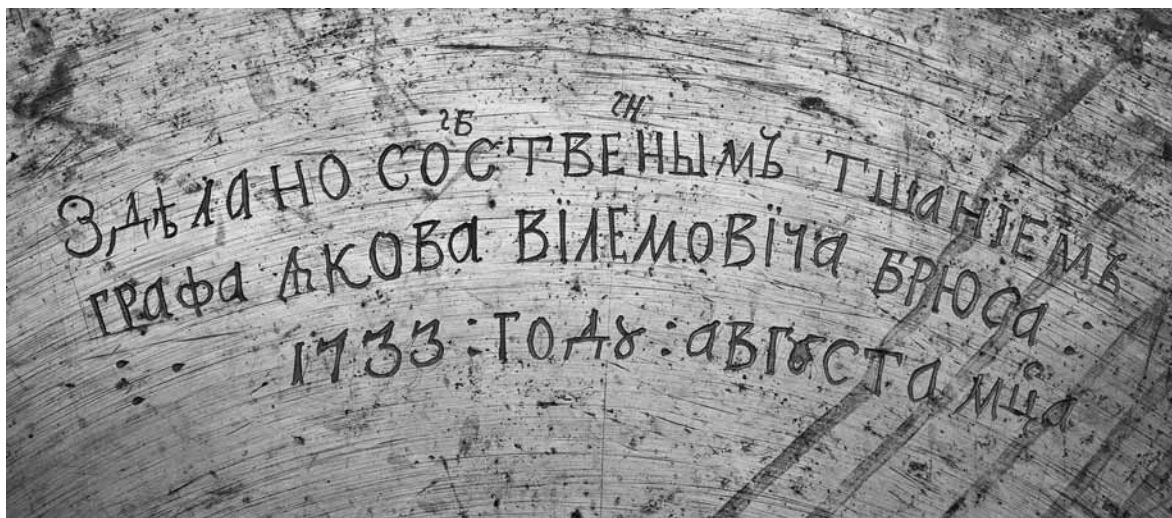

Рис. 2, 3. Зеркало круглое вогнутое (Зеркало Брюса). Мастерская Я. В. Брюса. Медь, дерево; полировка, гравировка. 85,6 x 85,6 x 5,5 см. Выгравирована надпись: Здѣлано собственнымъ тщаніемъ / графа Якова Вілемовича Брюса / 1733 : году : августа м[еся]ца. ГЭ Инв. № ЭРТх-1304. Фотографы А. М. Кокшаров, Л. Г. Хейфец. ©Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2020

в настоящее время Вашему высокоблагородию удалось исполнить. По расширению металлов Ваше высокоблагородие на деле дали очень значительный эксперимент. Если мне не помешает слабость здоровья, я также сделаю инструмент для того, чтобы узнать, действительно ли сгущенный холодный воздух прилегает к латунной струне на холоде, а в тепле снова уходит от нее, не способствуя сколько-нибудь понижению тона» (Ченакал 1951).

Интересен характер и нумизматической коллекции Я. В. Брюса, а также его собрание инталий. Состав их также не случаен, а определяется положением Брюса как государственного деятеля. Известно, что минц-кабинеты формировались коллекционерами как «металлическая история» стран и мира в целом. В этом отношении собрание Брюса охватывает римскую историю, историю Востока, Европы и, конечно, России. При этом нельзя забывать, что с 1720 г. Брюс был директором Санкт-Петербургского Монетного двора. О. Я. Неверов, изучавший нумизматическое собрание Брюса, отмечал, что в его составе были «подлинные шедевры античной нумизматики — золотые статеры Александра Великого и фракийского царя Лисимаха, серебряная тетрадрахма македонского царя Кассандра, ауреусы Цезаря, Августа, Константина, серебряные монеты Афин и Коринфа» (Неверов 1997: 137). Но нумизматический кабинет Брюса отражает и пропагандистское значение собрания медалей, которое так важно было для прославления российских побед и Петра I, рядом с которым начиная с Потешного войска был и Яков Брюс: в его минц-кабинете были собраны практически все медали, отлитые по случаю российских викторий в ходе Северной войны.

Большой интерес в собрании Брюса представляет серия портретов русских князей и царей от Рюрика до Ивана V, вырезанные на зеленой яшме мастером из Нюрнберга И. Доршем и хранящиеся ныне в Государственном Эрмитаже (Каган 2000). Для нас важно отметить, что это миниатюрная портретная галерея несомненно связана с интересом Брюса к российской истории. В его коллекцию живописи, также обогатившей Кунсткамеру, входили портреты русских царей от Ивана Грозного до Ивана Алексеевича.

О. Я. Неверов, много сделавший для исследования собраний Кунсткамеры и коллекций Я. В. Брюса в частности, заметил, что Брюс был «страстным коллекционером» (Неверов 1997: 135). Но анализ описаний всего состава собрания Брюса приводит нас к выводу, что это было собрание человека, увлеченного всем тем, чем он должен был заниматься по долгу службы, и ученого-экспериментатора. И библиотека, и коллекции Брюса — это прежде всего его рабочий кабинет. Именно поэтому они оказались так востребованы в Академии наук, в которой и библиотека, и музей (Кунсткамера) выполняли те же функции, что и частное собрание Якова Вилимовича Брюса. Ранее опубликованные и выявленные в архивах описи коллекций Брюса позволят провести документальную реконструкцию одного из богатейших частных музейных собраний в России первой половины XVIII в. и продолжить поиск и атрибуцию предметов в российских музеях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Дело о библиотеке и различных редкостях графа Якова Брюса, поступивших в Академию наук // РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 10. 45 л.

Дело о вещах Я. В. Брюса // СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 16. Д. 1. 112 л.; Д. 2. 100 л.; Д. 3. 73 л.

Опись, учиненная в Москве оставшимся после генерала фельдмаршала Брюса отданным в 1736 году в Академию книгам и другим вещам с оригинальной оценкою каждой вещи // СПФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 138. Л. 208–265 об.

Роспись книг и прочим вещам, отданным в Академию наук из пожитков графа Брюса // РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3. Ч. 1. Л. 119–214.

Каган Ю. О. Еще раз о Доршевой серии портретов русских князей и царей. Историографический аспект и новые материалы // Из истории Петровских коллекций: сб. науч. тр. памяти Н. В. Калязиной. СПб., 2000. С. 27–65.

Луппов С. П. Библиотека Я. В. Брюса // Сборник статей и материалов по книговедению. Л., 1973а. Вып. III. С. 250–272.

Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973б. С. 184–203.

Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1886а. Т. 2.

Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1886б. Т. 3.

Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1889. Т. 5.

Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1895. Т. 7.

Меньшикова М. Л. Яков Вилимович Брюс и его китайские коллекции // Петровское время в лицах. СПб., 2000. С. 34–40.

«Нарисованный музей» Петербургской Академии наук. 1725–1760 / науч. ред. Р. Е. Кистемакер, Н. П. Копанева, Г. В. Вилинбахов. СПб., 2003. Т. 1; СПб., 2004. Т. 2.

Неверов О. Я. Памятники античного искусства в России Петровского времени // Культура и искусство Петровского времени: Публикации и исследования. Л., 1977. С. 37–53.

Неверов О. Я. Собрание редкостей Петровской Кунсткамеры // Петр и Голландия: русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого / под ред. Н. П. Копаневой, Р. Кистемакер, А. Офербек. СПб., 1997. С. 127–141.

Неверов О. Я. Собиратели редкостей из окружения Петра Великого // Из истории Петровских коллекций: Сб. науч. тр. памяти Н. В. Калязиной. СПб., 2000. С. 29–145.

Савельева Е. А. Библиотека Я. В. Брюса: Каталог. Л., 1989.

Ченакал В. Л. Письма Я. В. Брюса к Иоганну-Георгу Лейтману // Научное наследство. М., 1951. Т. 2. С. 1083–1096.

Musei Imperialis Petropolitani vol. 1–2. [Санкт-Петербург], 1741. Vol. 2. Ps. 1.

ON THE COLLECTION OF IAKOV BRUCE, HIS HEIRS AND WORK ROOM

ABSTRACT. Iakov Vilimovich Bruce, an associate of Peter the Great, Russian statesman, scientist and translator, died in 1735. After his death, Bruce's library and collection of 'rarities' were transported from his Glinka estate in Moscow area to the Saint Petersburg Academy of Sciences, where it was integrated into the academic library and museum. After the removal of 'Bruce's belongings' from Moscow, the heir of Bruce, his nephew (son of his elder brother) Alexander Romanovich Bruce, addressed the empress with a petition. He asked to return what had been taken, since the entire collection constituted a 'noble part of the estate', but received a response that for the books and things taken to the Academy of Sciences, he would be paid an amount that would be determined after the evaluation of the collection. The reimbursement case was delayed: A.R. Bruce did not receive the money, and his son Ia.A. Bruce had to deal with the issue of inheritance. The appeals of the heirs to the imperial court, during the reigns of first Elizaveta Petrovna and later Catherine II, required the Academic Chancellery to recommence compiling the lists of items and monetary evaluation of Ia.V. Bruce's collections, and to provide a report on what had been preserved in the library and museum. Today these documents present additional sources for studying the history of the collection of Bruce as part of the Kunstkamera museum collection from the first half of the eighteenth century. Analysis of the descriptions of Bruce's collection leads to the conclusion that it was not so much a collector's collection as that of an experimental scientist. Both Bruce's library and collections constituted his work room, and that is why they were so in demand at the Academy of Sciences.

KEYWORDS: Iakov Bruce, Alexander Bruce, Jo. Taubert, Saint Petersburg Academy of Sciences, Kunstkamera, Bruce's museum collection

NATALIA P. KOPANEVA — PhD, Chief Collection Manager, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia)
E-mail: kopaneva@kunstkamera.ru